

ВЛИЯНИЕ ВЫБОРА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ЧАСТОТУ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКСЫ

Кокотова Дарья Александровна

Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9455-5864, e-mail: darya.kokotova@mail.ru.

Число законов о внесении изменений в УК значительно больше, чем в УИК, как за все время существования кодексов, так и за каждый отдельный год. В статье проверяется, действительно ли это говорит о большей частоте внесения изменений в Уголовный кодекс по сравнению с Уголовно-исполнительным (проверяются сопоставимость актов по времени их существования, объему актов и объекту регулирования; уместность выбора единиц наблюдения), а также предпринимается попытка объяснить такое расхождение. На основе обобщения данных о количестве принятых за 2018–2022 гг. законов и их содержании автор приходит к выводу, что разница в частоте изменения кодексов действительно существует и связана с характеристиками самих норм, а не особенностями регулируемых отношений. Она обусловлена по большей части корректировкой положений Особенной части Уголовного кодекса и ее спецификой и объясняется разницей в том, какие криминологические модели были выбраны для каждого из кодексов в качестве основополагающих. В Уголовном кодексе ведущую роль играют классическая школа и модель возмездия, а в Уголовно-исполнительном кодексе – позитивная школа.

Ключевые слова: классическая школа, модель возмездия, позитивная школа, Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, частота изменения

Для цитирования: Кокотова Д. А. Влияние выбора криминологических моделей на частоту внесения изменений в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 26–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_26.

CHOICE OF CRIMINOLOGICAL MODALITIES AS A FACTOR OF FREQUENCY OF AMENDMENT TO THE CRIMINAL CODE AND PENITENTIARY CODE

Kokotova Daria

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9455-5864, e-mail: darya.kokotova@mail.ru.

The number of laws on amendments to the Criminal Code is significantly higher than in the Penitentiary Code, both for the entire existence of the codes and for each individual year. In this article we want to verify, does this data indicate that the Criminal Code is amended more frequently than the Penitentiary Code: are the acts comparable by the period of their existence, their volume and object of regulation; are the units of observation correct? Also, objective of this article is to find the reasons of such difference. On the base of generalization of information about quantity and content of legal acts, adopted in 2018–2022, author concludes that the difference between frequency of amendment to codes is a real fact. It is determined by the characteristics of rules, but not the properties of relations. This difference is determined principally by amendments to the Special part of the Criminal Code and it is specific. The reason of this situation is the choice of the different fundamental criminological modalities for each of the codes. The classical school and the modality of retribution are fundamental of the Criminal Code, and the Penitentiary Code is based on the positive school.

Key words: classical school, modality of retribution, positive school, Criminal Code, Penitentiary Code, frequency of amendment

*For citation: Kokotova D. (2023) Choice of criminological modalities as a factor of frequency of amendment to the Criminal Code and Penitentiary Code. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 26–40, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_26.*

Постановка вопроса. Обращение к спискам изменяющих документов, прилагающихся в СПС «КонсультантПлюс» к текстам Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации¹ (далее – УК и УИК), позволяет думать, что в УИК изменения вносятся реже, чем в УК.

Так, максимальное число федеральных законов о внесении изменений в год в УК составляет 25, а для УИК максимальное количество – 8. Всего за 1998–2022 гг. было принято 290 федеральных законов, внесших изменения в УК; законов же о поправках к УИК за то же время принято 109 (см. рис. 1).

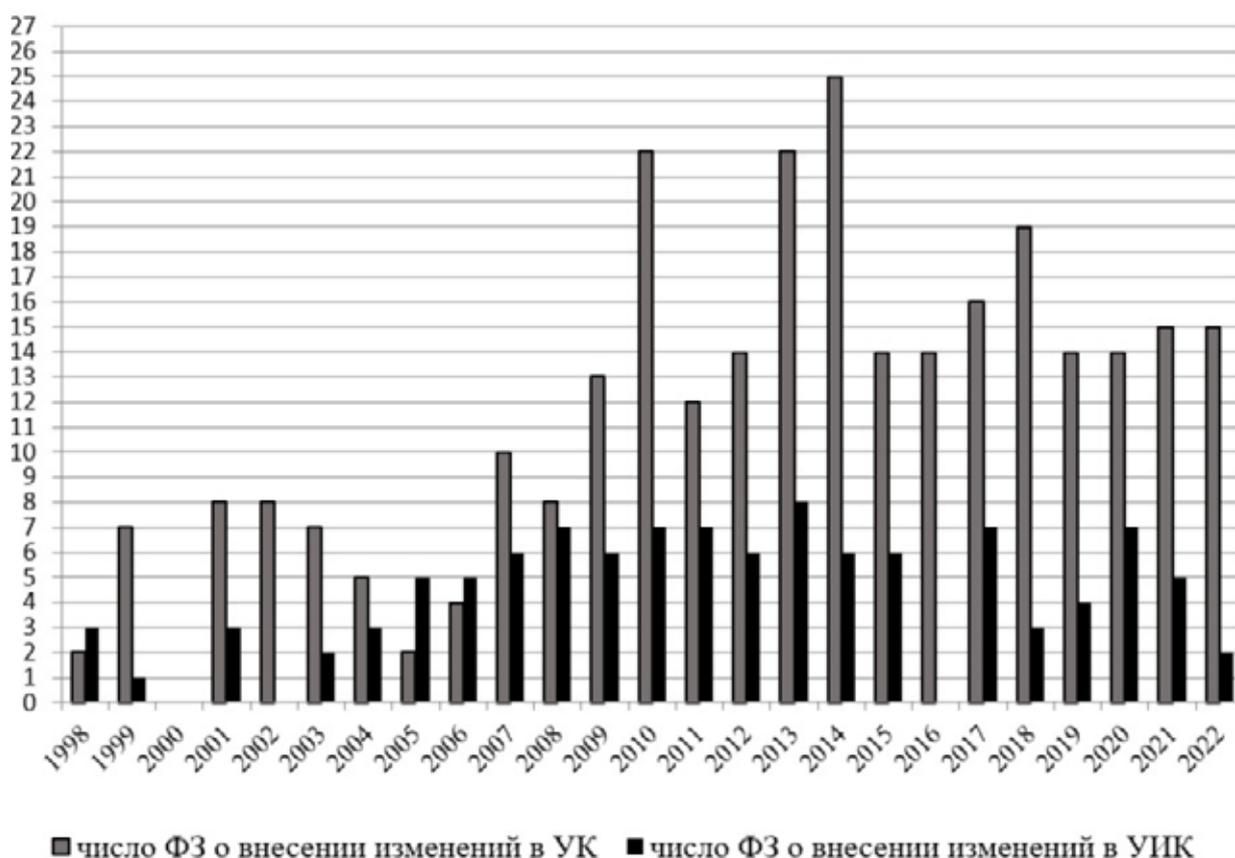

Рисунок 1. Число федеральных законов о внесении изменений в УК и УИК (данные представлены начиная с 1998 г., когда впервые были приняты законы о внесении изменений в УК и УИК)

В связи с этим возникает вопрос: позволяют ли эти данные сделать вывод о большей стабильности УИК по сравнению с УК² и если да, то чем можно объяснить такую разницу?

¹ Список изменяющих документов // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.08.2023); Список изменяющих документов // Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/ (дата обращения: 22.08.2023). Все использованные далее данные о редакциях норм получены из той же системы.

² Поскольку осуществляется сравнение лишь двух актов, речь идет именно о сопоставлении стабильности кодексов, но не уголовно-правового, уголовно-исполнительного регулирования в целом.

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо прежде всего понять, **не требуется ли скорректировать схему сравнения**, чтобы исключить влияние обстоятельств, автоматически порождающих разницу в количестве законов о внесении изменений в каждый из кодексов независимо от степени их реальной стабильности (нестабильности), искажающих наше представление о реальном различии между ними.

Рассмотрим несколько возможных обстоятельств.

1. *Разный период существования актов.* Теоретически большее число поправок может задаваться разницей в моменте появления кодексов. УК был принят 13 июня 1996 г. УИК появился меньше, чем через год (8 января 1997 г.). То есть, хотя и существует разница во времени, она невелика и не могла привести к тому, что было принято почти в три раза больше законов о поправках к УК. Также первые законы о внесении изменений в каждый из кодексов появились в 1998 г. С учетом сказанного можно пренебречь разницей в моменте появления кодексов. При этом, так как разница между УК и УИК существует на протяжении всего их существования, для более тщательной проработки вопроса в дальнейшем будут использоваться данные за последние 5 лет (2018–2022 гг.).

2. *Выбор единиц наблюдения.* Ранее были приведены данные о количестве законов о внесении изменений в каждый из кодексов. Разница в количестве законов, принятых за один и тот же период, теоретически может говорить не о разной частоте внесения изменений, а о том, что в одном случае каждая поправка оформляется отдельным законом, а в другом множество поправок соединяется в один акт. Сравнение законов о внесении изменений в УК и УИК за последние 5 лет, однако, показало, что в нашем случае этого не происходит. Доли актов, корректирующих то или иное количество статей УК и УИК, примерно совпадают. Так, для каждого из кодексов более 50 % составляют акты, ограничивающиеся правкой только одной статьи; примерно 40 % – законы, изменяющие от двух до пяти статей; 4–5 % – законы, корректирующие от 6 до 10 статей. Отличие лишь в том, что одним законом не вносились изменения более чем в 10 статей УИК, тогда как отдельные законы о внесении изменений в УК предполагают правку не только более 10, но и более 20 статей (см. рис. 2).

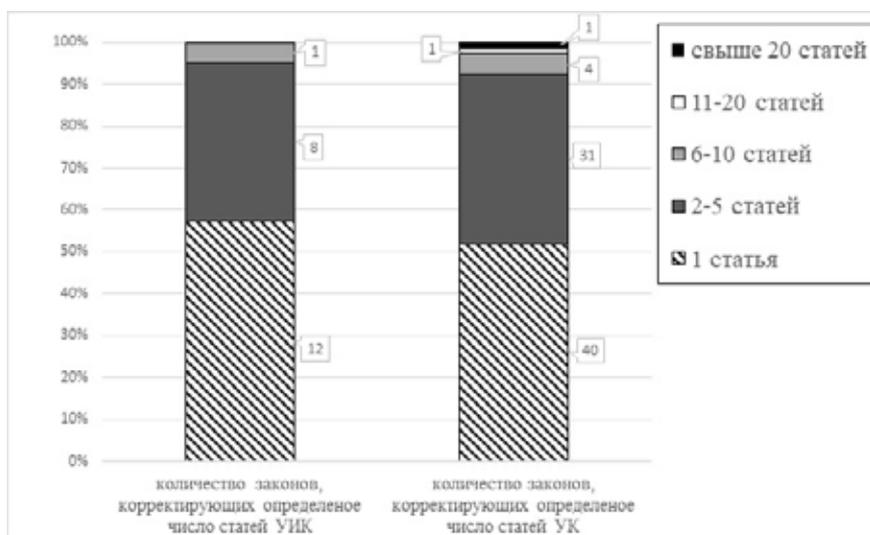

Рисунок 2. Доля законов, корректирующих то или иное количество статей УК и УИК (всего законов о внесении изменений: в УК – 77, в УИК – 21; количество законов по отдельным группам указано на выносках)

С учетом сказанного использование в качестве единиц наблюдения количества принятых законов в нашем случае допустимо.

3. *Объем кодекса.* Внесение пяти изменений в год в закон из одной статьи говорит о большей частоте изменений, чем внесение тех же пяти изменений в закон из ста статей. С учетом этого при существенной разнице в объеме актов имеет смысл использовать относительные величины (число законов о внесении изменений разделить на объем акта). Одновременно разница в количестве статей может быть следствием частоты внесения изменений путем включения в акт новых статей. Разница

в количестве статей может отражать разницу в подходе к структурированию текста одинакового объема. В связи со сказанным представляется необходимым сравнивать объем изначальных редакций кодексов, учитывая при этом и количество статей, и, например, число знаков в тексте.

Применительно к показателям за 2018–2022 гг. изначальной редакцией будет та, что имела по состоянию на начало этого периода. К концу 2017 г. УК состоял из 472 статей и 610 432 знаков без пробелов; УИК – из 204 статей и 265 789 знаков¹. Соответственно за эти годы при общем количестве законов о внесении изменений (77 в УК и 21 в УИК) на каждые 100 тысяч знаков приходится 13 законов о внесении изменений в УК и 8 законов о внесении изменений в УИК, а на каждые сто статей – 16 (УК) и 10 (УИК) таких законов.

Таким образом, и при замене абсолютных величин относительными, характеризующие частоту внесения изменений показатели для УК будут превышать сходные показатели для УИК, хотя и не так сильно, как при использовании абсолютных величин, но все же значительно.

4. *Сопоставимость объема регулируемых отношений.* Разница в частоте внесения изменений может задаваться и тем, насколько широк круг регулируемых отношений, что приводит к некорректности сравнения двух кодексов. Например, Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) меняется намного чаще, чем УК (максимальное число законов о внесении изменений в КоАП за один год – 84; всего за время существования КоАП с 2001 г. принято 769 законов о внесении в него изменений)². Вместе с тем КоАП объединяет положения, сходные по предмету с теми, что распределены между УК, УИК и Уголовно-процессуальным кодексом, поэтому следует сравнивать не УК и КоАП, а КоАП со всеми тремя кодексами вместе.

Возникает вопрос, насколько сопоставимы по этому параметру УК и УИК. На первый взгляд кажется, что у УИК уже предмет регулирования, чем у УК, так как наказание, исполнению которого он посвящен, составляет лишь один из институтов УК наряду с составом преступления, освобождением от ответственности и т. п. Однако на самом деле УИК не ограничивается детализацией заданных УК положений о наказании, в частности самостоятельно определяя подлежащие учету характеристики преступного³ в форме, не свойственной УК, например наличие сведений о приверженности лица идеологии терроризма как обстоятельство, влияющее на выбор места отбывания наказания (ч. 4 ст. 73 УИК⁴).

Если посмотреть на вопрос обобщенно, выходя за пределы конструкций каждого из кодексов, то видно, что в основе своей предмет УК и УИК сходен. Каждый из этих кодексов определяет то, как надо воздействовать на человека в связи с преступным на разных стадиях процесса и (или) с участием разных органов власти. Каждый из этих кодексов имеет свои средства воздействия и, соответственно, свои структуру, конструкции. При этом общая модель одинакова: преступное (описания составов преступлений, подлежащих учету особенностей личности преступника и т. д. в УК; поведения лица в процессе отбывания наказания и т. д. в УИК) и реакция на него (правила определения размера и видов наказания и т. д. в УК; определение содержания режима отбывания наказания, возможных мер поощрения и взыскания и т. д. в УИК).

С учетом сказанного предмет регулирования УК и УИК сопоставим по объему, изменение схемы сравнения в этой части не требуется.

Таким образом, корректировка сравнения с учетом обозначенных обстоятельств либо не требуется, либо не приводит к получению принципиально иного результата. Изученные данные **действительно позволяют заключить, что присутствует разница**

¹ Использовались редакции текста УК по состоянию на 31 декабря 2017 г., УИК по состоянию на 20 декабря 2017 г., доступные в СПС «КонсультантПлюс». Подсчет числа действующих статей осуществлялся вручную. Количество слов и знаков определялось с помощью функции «Статистика» после экспорта текста акта в Word.

² Список изменяющих документов // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 22.08.2022).

³ Термин «преступное» используется в криминологической литературе как объединяющий различные формы – преступник, преступление и т. п. См., например: Родионова О. Н. Предмет криминологии // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 47.

⁴ Данная редакция нормы принята 27 декабря 2018 г.

в частоте изменения УК и УИК. В связи с этим можно перейти к вопросу о том, **почему такая разница существует.**

Первое, что приходит на ум, – большая изменчивость регулируемых отношений, порождающая необходимость менять нормы. Однако эта версия нам не подойдет. Как уже отмечалось, объект, на который призваны воздействовать УК и УИК, сходен. Регламентируемые актами общественные отношения связаны между собой настолько, что сложно представить, что стабильно требуется изменение одних без изменения других. Такая необходимость может возникать время от времени, но не может объяснять существования столь значительного разрыва на протяжении всего существования кодексов.

При возникновении необходимости смягчения или ужесточения реакции можно обеспечить достижение результата за счет изменения как УК, так и УИК.

Если рассматривать изменение закона как средство предупредительного воздействия, то в равной мере может быть избрана правка и УК, и УИК. Например, при изменении рецидивной преступности может потребоваться изменить и характеристики наказаний, которые могут быть назначены (УК), и характер того, что происходит во время исполнения наказания (УИК). Обособление новых преступлений может потребовать не только осмысления того, какое наказание должно быть назначено за них, но и того, необходимо ли учесть их особенности при определении места отбывания наказания и т. п. Появление новых технических средств может продиктовать необходимость их учета и в качестве орудия, предмета преступления, и в качестве тех предметов, которые можно (нельзя) проносить на территорию мест лишения свободы.

Выявление ранее не известных данных о закономерностях преступного и возможных моделях реагирования на него также может требовать корректировки как УК, так и УИК. Например, если изменилось наше представление о чертах личности, способствующих совершению преступлений, то сложно представить, что оно повлияет только на УК, но не на УИК. Изменение представления о том, какая именно реакция допустима (например, о стандартах гуманного обращения), также может требовать правки как УК, так и УИК.

Таким образом, **ни изменчивость отношений, ни изменение представлений о них не могут объяснять выявленное различие в частоте правки УК и УИК.**

Если разница между УК и УИК продиктована не особенностями отношений, на которые воздействуют нормы (нашего представления о них), то, **возможно, она обусловлена особенностями самих норм.** Чтобы проверить эту версию, изучим, какие именно положения УК и УИК подвергались изменениям за последние 5 лет.

Подробные данные о них можно представить в виде таблиц.

Таблица 1.

Состав законов о внесении изменений в УК за 2018–2022 гг.

Данные законов о внесении изменений	Номера изменяемых статей	
	Общая часть	Особенная часть
2018 г. – 19 законов		
от 19.02.2018 № 35-ФЗ	76.1	
от 23.04.2018 № 96-ФЗ	53.1	
от 23.04.2018 № 99-ФЗ	46	170.2, 200.3, 200.4, 200.5, 304
от 23.04.2018 № 111-ФЗ		158, 159.1, 159.3, 159.6
от 23.04.2018 № 114-ФЗ		216, 217, 269
от 27.06.2018 № 156-ФЗ		226.1
от 27.06.2018 № 157-ФЗ		226.1, 253, 256, 258, 258.1
от 03.07.2018 № 186-ФЗ	72	
от 29.07.2018 № 227-ФЗ		171.2
от 29.07.2018 № 229-ФЗ		215.3
от 02.10.2018 № 348-ФЗ		315

Продолжение табл. 1

от 03.10.2018 № 352-ФЗ		144.1
от 12.11.2018 № 420-ФЗ		322.3
от 27.12.2018 № 519-ФЗ		282
от 27.12.2018 № 520-ФЗ		200.6
от 27.12.2018 № 530-ФЗ		170.1, 170.2, 172.1, 172.3, 195
от 27.12.2018 № 533-ФЗ	76.1	145.1
от 27.12.2018 № 540-ФЗ	53.1, 80	
от 27.12.2018 № 569-ФЗ	58, 72	
2019 г. – 14 законов		
от 01.04.2019 № 46-ФЗ	56, 64, 73	210, 210.1
от 23.04.2019 № 65-ФЗ		264, 264.1
от 29.05.2019 № 112-ФЗ	76.1	
от 06.06.2019 № 132-ФЗ	72.1	
от 17.06.2019 № 146-ФЗ	15	263, 264
от 26.07.2019 № 206-ФЗ		115, 119, 124.1
от 26.07.2019 № 207-ФЗ		171
от 26.07.2019 № 209-ФЗ		327
от 02.08.2019 № 304-ФЗ		228.2
от 02.08.2019 № 308-ФЗ		138.1
от 16.10.2019 № 340-ФЗ		258.1
от 04.11.2019 № 354-ФЗ		322.1
от 02.12.2019 № 410-ФЗ		307
от 27.12.2019 № 500-ФЗ	76.1	191, 255
2020 г. – 14 законов		
от 18.02.2020 № 22-ФЗ		340, 341
от 01.04.2020 № 73-ФЗ	76.1	193, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 210
от 01.04.2020 № 94-ФЗ		141, 142, 142.2
от 01.04.2020 № 95-ФЗ		238.1
от 01.04.2020 № 100-ФЗ		207.1, 207.2, 236
от 07.04.2020 № 112-ФЗ		243.4, 244
от 08.06.2020 № 170-ФЗ		295, 296, 298.1, 311
от 31.07.2020 № 260-ФЗ	79, 80, 93	
от 27.10.2020 № 352-ФЗ	46	170.2, 200.7
от 08.12.2020 № 425-ФЗ		280.1, 280.2
от 30.12.2020 № 525-ФЗ		330.1
от 30.12.2020 № 526-ФЗ		267
от 30.12.2020 № 538-ФЗ		128.1
от 30.12.2020 № 543-ФЗ		213
2021 г. – 15 законов		
от 24.02.2021 № 16-ФЗ		201, 285
от 24.02.2021 № 25-ФЗ		230

Окончание табл. 1

от 05.04.2021 № 59-ФЗ		354.1
от 11.06.2021 № 215-ФЗ	76.1 , 104.1	170.2, 171.5
от 11.06.2021 № 216-ФЗ		183, 320
от 01.07.2021 № 241-ФЗ		195, 196
от 01.07.2021 № 248-ФЗ		194
от 01.07.2021 № 258-ФЗ		264.1
от 01.07.2021 № 259-ФЗ		228.2
от 01.07.2021 № 262-ФЗ		172.1
от 01.07.2021 № 281-ФЗ		222, 222.1, 222.2, 223, 223.1, 226.1
от 01.07.2021 № 292-ФЗ		284.1
от 01.07.2021 № 293-ФЗ		171.1
от 30.12.2021 № 458-ФЗ		264.2
от 30.12.2021 № 499-ФЗ		157
2022 г. – 15 законов		
от 28.01.2022 № 3-ФЗ	57	131, 132
от 04.03.2022 № 32-ФЗ		207.3, 280.3, 284.2
от 06.03.2022 № 38-ФЗ	63, 73	133, 242, 242.1, 316
от 09.03.2022 № 49-ФЗ	76.1	
от 25.03.2022 № 63-ФЗ		207.3, 261, 280.3
от 28.06.2022 № 200-ФЗ	79	
от 28.06.2022 № 203-ФЗ		116.1
от 14.07.2022 № 258-ФЗ	104.1	264, 264.3
от 14.07.2022 № 260-ФЗ	104.1	189, 208, 274.2, 275, 275.1, 276, 280.4, 282.4, 283.2, 284.1, 322, 359
от 14.07.2022 № 307-ФЗ		117, 286, 302
от 14.07.2022 № 345-ФЗ		200.4
от 24.09.2022 № 365-ФЗ	63, 80	201.2, 201.3, 285.5, 285.6, 331, 332, 333, 334, 337–342, 344, 346–348, 352.1, 356.1
от 21.11.2022 № 446-ФЗ	92	
от 29.12.2022 № 582-ФЗ		239, 330.1
от 29.12.2022 № 586-ФЗ	63	281.1, 281.2, 281.3

Таблица 2.
Состав законов о внесении изменений в УИК за 2018–2022 гг.

Данные законов о внесении изменений	Номера изменяемых статей	
	Общая часть	Особенная часть
2018 г. – 3 закона		
от 27.12.2018 № 516-ФЗ		74, 78, 130
от 27.12.2018 № 547-ФЗ		175
от 27.12.2018 № 548-ФЗ		73, 81

Окончание табл. 2

2019 г. – 4 закона		
от 18.07.2019 № 179-ФЗ		60.1, 60.9, 129
от 26.07.2019 № 208-ФЗ		180
от 02.12.2019 № 392-ФЗ		103, 104, 106–108, 180
от 27.12.2019 № 494-ФЗ	12.1	
2020 г. – 7 законов		
от 01.04.2020 № 96-ФЗ		60.1, 60.2, 81, 73
от 20.07.2020 № 221-ФЗ		60.3
от 20.07.2020 № 222-ФЗ		90
от 20.07.2020 № 223-ФЗ		180
от 31.07.2020 № 268-ФЗ		180
от 23.11.2020 № 379-ФЗ		115
от 23.11.2020 № 380-ФЗ		128
2021 г. – 5 законов		
от 09.03.2021 № 44-ФЗ		82
от 05.04.2021 № 78-ФЗ	24	
от 26.05.2021 № 154-ФЗ	17.1	
от 11.06.2021 № 217-ФЗ	15	89, 158
от 21.12.2021 № 432-ФЗ		99
2022 г. – 2 закона		
от 11.06.2022 № 183-ФЗ	15	89, 158
от 29.12.2022 № 590-ФЗ	15, 24	

Первое, что обращает на себя внимание при анализе вышеприведенных данных, – тот факт, что чаще других корректировалась ст. 76.1 УК. Ее упоминают 7 из 77 законов о внесении изменений в УК (см. табл. 1). Тогда как аналогичный показатель по другим статьям УК не превышает четырех, а по статьям УИК – трех законов (см. табл. 1, 2 и рис. 3).

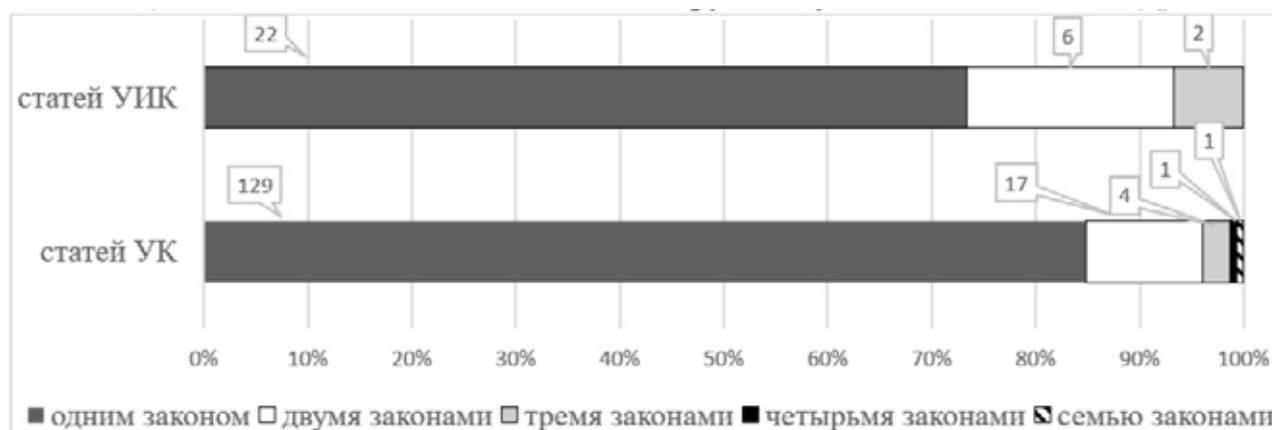

Рисунок 3. Доля статей УК и УИК, которые корректировались тем или иным количеством законов, принятых за 2018–2022 гг.
(количество статей по отдельным группам указано на выносках)

Это объясняется тем, что ч. 3 ст. 76.1 содержала изначально не норму права, а веление, которое не рассчитано на постоянное действие и может быть исчерпано испол-

нением¹, в силу чего в процессе функционирования веления в рамках нормативного акта потребовалось постоянно продлять действие ч. 3 ст. 76.1, меняя срок, при совершении до которого преступления возможно применение этой части². Без положений о продлении срока показатель по ст. 76.1 по-прежнему высок относительно частоты изменения других статей, но уже не так сильно отличается; существуют и иные статьи с аналогичным числом законов о внесении в них изменений.

Особенность, обусловившая повышенную частоту изменения данной статьи, не присуща иным положениям УК и не может объяснять разрыв между показателями в целом по УИК и УК, поэтому в дальнейшем обсуждаться в настоящей статье не будет.

В остальном как в УИК, так и в УК одни статьи менялись чаще, другие реже. Максимальное число законов, внесших изменения в отдельную статью (если не учитывать ст. 76.1), различается незначительно. Структура подвергавшихся правке статей по числу изменений в каждую из них также сходна. В целом для каждого из кодексов большая часть подвергшихся правке статей корректировалась лишь однажды (более 80 % в УК и более 70 % в УИК) (см. рис. 3). В сочетании с данными о числе статей, изменявшихся одним законом (см. рис. 2), это показывает, что разница в количестве законов о внесении изменений в УК и УИК задается в основном не частотой изменения отдельных статей, а числом статей, подвергающихся изменению хотя бы один раз. Состав статей, подвергающихся правке, от года к году меняется, при этом число изменений в УК всегда больше, чем в УИК. Следовательно, разница в частоте изменения УК и УИК связана в основном не с особенностями отдельных статей, а с особенностями кодексов в целом или групп норм в них.

Понять, в чем именно состоят эти особенности, можно, *сравнив число законов, вносящих изменения в статьи Общей и Особенной частей каждого из кодексов.*

В сумме за 5 лет структура законов о внесении изменений в УК и УИК примерно одинакова. Большая часть законов ограничивается правкой лишь Особенной части. Показатели за отдельные годы не столь единообразны. Доля законов о внесении изменений только в Особенную часть УК меняется от года к году, но всегда значительна. Лишь в 2022 г. доля законов, корректирующих только Особенную часть, составляет менее половины, причем процент снижается за счет законов, предполагающих одновременную правку положений Общей и Особенной частей (см. рис. 4).

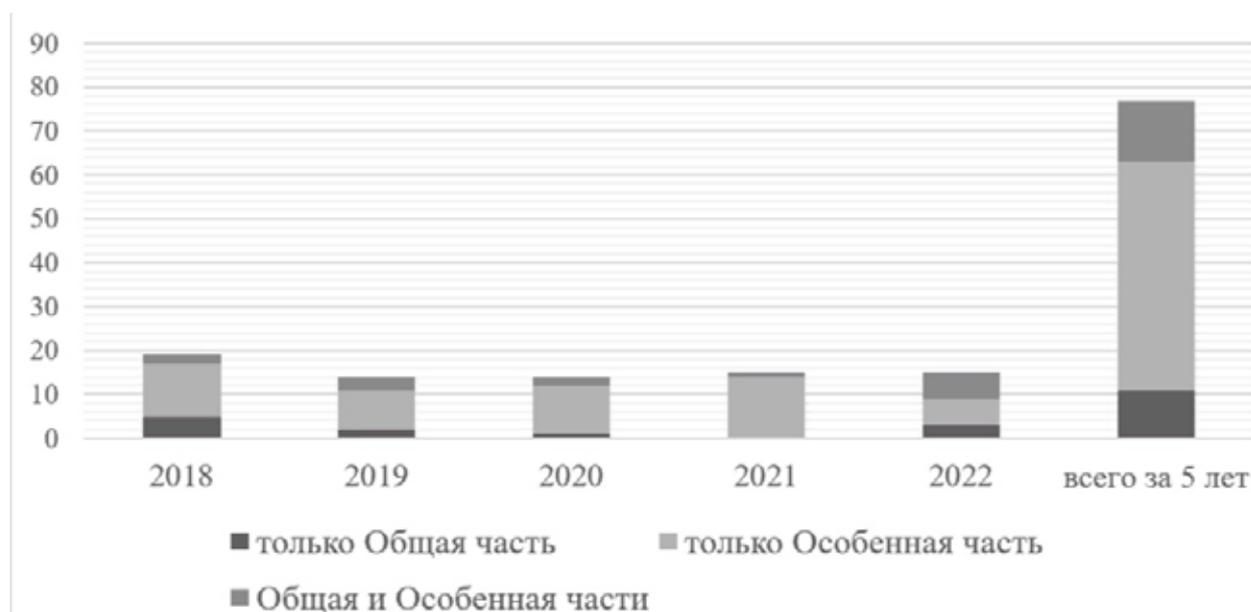

Рисунок 4. Число законов, вносящих изменения в ту или иную часть УК

¹ Подробнее о данной статье см.: Кокотова Д. А. Часть 3 статьи 76.1 УК РФ – непоименованная амнистия // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2. С. 65.

² Положения о таком продлении содержат ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 19 февраля 2018 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; ст. 1 Федерального закона от 29 мая 2019 г. № 112-ФЗ «О внесении изменения в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; ст. 1 Федерального закона от 9 марта 2022 г. № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В отличие от УК для УИК не прослеживается никакой закономерности, свидетельствующей об особом значении какой-либо из его частей. Доля законов о внесении изменений только в Особенную часть в числе актов, корректирующих УИК, колеблется от 0 до 100 %. Доля законов, отнесенных к другим группам, также варьируется (см. рис. 5).

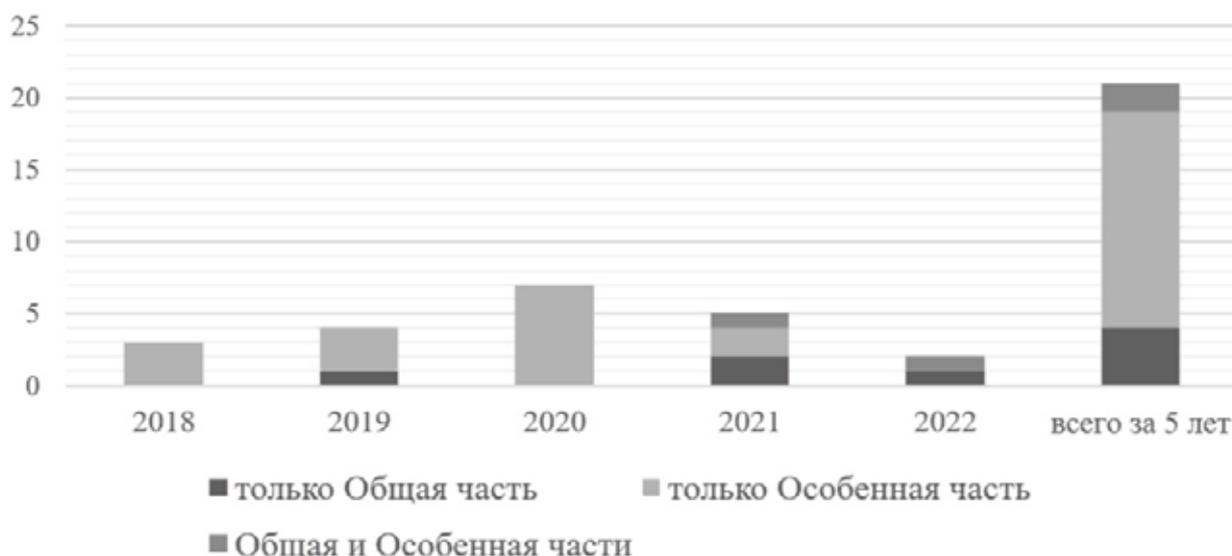

Рисунок 5. Число законов, вносящих изменения в ту или иную часть УИК

Если бы соотношение было стабильным, можно бы было предположить, что оно задано тем, какую долю от текста каждого из кодексов составляет Особенная часть. Однако показатели изменчивы (см. табл. 3).

Таблица 3.
Соотношение законов, внесших изменения только в Особенную часть, и общего числа законов, %

Кодекс \ Период	2018	2019	2020	2021	2022	всего за 5 лет
УК	63	64	79	93	40	68
УИК	100	75	100	40	0	71

Более того, доля Особенной части в тексте УИК даже больше, чем ее доля в тексте УК. По состоянию на начало исследуемого периода (конец 2017 г.) Особенная часть составляла 76 % статей УК (359 статей) и 81 % знаков его текста (492 454 знака без пробелов). На тот же момент Особенная часть УИК составила 88 % статей кодекса (179 статей) и 87 % знаков его текста (232 294 знака без пробелов).

Следовательно, разница в доле, которую составляют законы о внесении изменений в ту или иную часть кодекса, обусловлена не объемом частей, а спецификой содержания Особенной части УК по сравнению с Общей частью того же кодекса и в целом с УИК. Более того, разница в частоте внесения изменений в УК и УИК может быть объяснена на основе анализа этой специфики, поскольку в отсутствие законов о внесении изменений в Особенную часть число изменений в УК далеко не всегда превышало бы сходный показатель по УИК либо (в 2022 г.) разрыв между показателями был бы не столь велик (см. рис. 6).

С учетом сказанного, чтобы понять, почему УК меняется чаще, чем УИК, нам надо выяснить, в чем специфика Особенной части УК и почему возникает необходимость ее существования в том виде, в котором она написана в действующем УК.

Говоря о специфике Особенной части, можно заметить, что Общая и Особенная части УК различаются по степени общности предписаний. Положения Общей части затрагивают одновременно множество деяний, тогда как Особенная часть в основном содержит положения об отдельных преступлениях. Исключение – примечания,

чье действие распространяется на ряд статей, они по характеру приближены к некоторым велениям Общей части (например, примечания к ст. 158 УК¹).

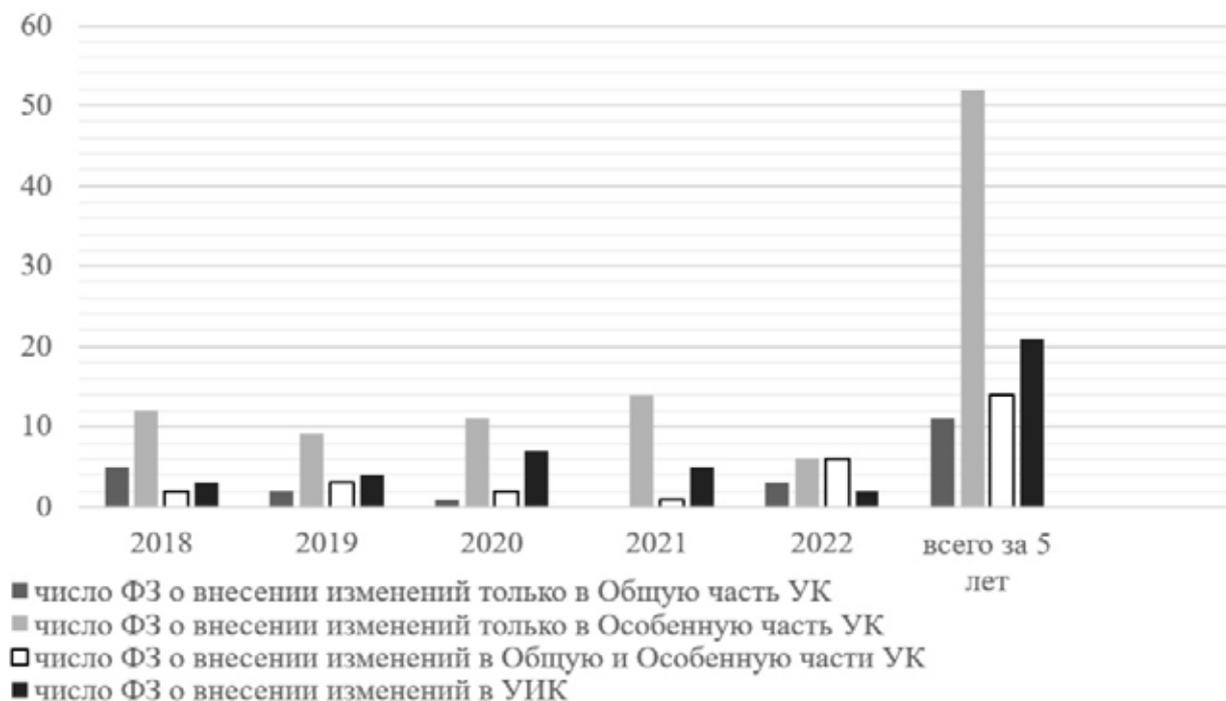

Рисунок 6. Соотношение числа законов о внесении изменений в УИК с числом законов о внесении изменений в различные части УК

В УИК же такое противопоставление частей отсутствует. В нем в принципе нет Особенной части в том виде, в каком она существует в УК. Заключение в Особенной части УИК предписания, посвященные исполнению отдельных видов наказания, приближены по степени общности к велениям Общей части УК.

Чисто теоретически УИК также мог бы содержать фрагмент, построенный подобно Особенной части УК, в частности, конкретизирующий то, как должны решаться различные вопросы для каждого отдельного деяния, или описывающий в стиле составов отдельных деяний в УК основания применения мер поощрения и взыскания. Опять же чисто теоретически УК мог бы не содержать, например, конкретизации возможных видов наказания для каждого отдельного деяния, ограничиваясь общими правилами назначения наказания, которые адаптируются к отдельным деяниям лишь в процессе правоприменения; описания отдельных деяний в принципе могли бы быть заменены набором универсальных оценочных признаков.

Причина, по которой этого не произошло, как представляется, состоит в том, *какие именно криминологические модели, теории получили решающее значение в УК и УИК.*

На формирование УК в современном его виде повлияло множество криминологических теорий, но следует согласиться, что основными для него все же являются модель возмездия и классическая школа (модель контроля)².

Модель возмездия предполагает, что за преступлением должно следовать такое наказание, которое, исходя из испытываемых нами эмоций, кажется нам справедливым. С учетом этого закон должен либо предоставлять усмотрение правоприменителю, либо меняться каждый раз, когда необходимо обеспечить возможность в конкретном случае, исходя из испытываемых эмоций, применить ранее не предусмотренную им ответственность. Центральная категория этой модели – отдельные престу-

¹ Здесь и далее использован Уголовный кодекс РФ (в ред. от 4 августа 2023 г.). При этом правка указанных статей за период с 2018 г. (иногда с начала существования УК) не осуществлялась либо не затрагивала те аспекты, на которых основаны наши выводы, что позволяет использовать данный материал для интерпретации изменений за изученный период.

² Родионова О. Н. УК РФ и теории преступности // Российский юридический журнал. 2002. № 2. С. 8–9.

пления, не как абстрактная категория, а как множество отдельных деяний с учетом особенностей каждого из них.

Центральным субъектом является тот, кто переживает эмоции, т. е. отдельный человек, столкнувшийся с преступлением, и общество, в котором оно произошло. Критерий выбора необходимых мер реагирования в этой модели – сила и характер эмоций, переживаемых в связи с преступлением. Население, испытывающее эмоции, должно видеть реакцию на преступление или непосредственно участвовать в выборе наказания и его исполнении, чтобы сбросить эмоции и ощутить, что возмездие реализовано¹. Цель реагирования в логике модели – восстановление нарушенного преступлением баланса².

Классическая школа основана на стремлении заставить людей (которые в равной мере склонны по природе своей к нарушениям) отказаться от совершения преступлений за счет нивелирования получаемой от них выгоды наказанием³. Предложенная этой школой модель реагирования работает при условии предсказуемости того, какие последствия влечет каждое из деяний. Поэтому требуется объединить все нормы в единый акт, в котором четко прописаны признаки преступлений и следующие за них наказания. Необходимо гарантировать ощущение неотвратимости наказания как неизбежного, естественного следствия преступления. В связи с этим требуется максимально подробная регламентация и неукоснительное следование закону при минимизации усмотрения правоприменителя (в идеале его вообще нет)⁴. Центральная категория этой школы – преступление. Центральной стадией становится рассмотрение дела в суде, как стадия применения закона, после которой объем и характер воздействия на совершившее преступление лицо корректироваться не могут.

Для УИК, как представляется, базовой стала *позитивная (антропологическая) школа*.

Позитивная школа смещает акцент с преступления на преступного человека⁵. Само деяние здесь не больше, чем внешнее проявление происходящих с ним процессов, симптом, который при некоторых условиях может даже и не проявиться⁶. Требуется обеспечить условия для работы с таким лицом специалистов, которые на основе экспертной оценки каждого конкретного случая определяют, какие меры требуется применить к лицу. Признаки преступного, следовательно, не могут быть прописаны в законе иначе, как в форме оценочных категорий. Роль закона сводится к урегулированию процедур привлечения эксперта и наделению его полномочиями для обеспечения возможности принудительного исполнения его решений. Главенствующую роль в этих условиях приобретают сотрудники учреждений, обеспечивающих исполнение наказания, как лица, постоянно взаимодействующие с преступниками. В процессе исполнения наказания с учетом получаемой информации о лице определяют необходимые формы и период воздействия⁷.

Развитие подзаконного регулирования не противоречит теории и даже логично при условии, что позволяет гарантировать участие в разработке актов специалистов, обладающих необходимыми знаниями.

Приверженность УИК именно этой модели проявляется, например, в том, что он в значительной степени оставляет вопрос выбора применяемых мер и оснований их применения на усмотрение правоприменителя, не уточняя, за какие именно формы поведения может следовать каждая из описанных мер (например, ст. 60.14, 136 УИК⁸);

¹ В качестве основы для описания модели возмездия мы используем изложение функций наказания Э. Дюркгеймом, разделяя точку зрения, что оно отражает именно эту модель. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 94–99, 420.

² Родионова О. Н. Религиозные и мифологические подходы к проблеме преступного как предмет криминологии // Морально-этические и религиозные основы уголовного права: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 21–22 февраля 2009 года) / под ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 57.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 89, 95.

⁴ Там же. С. 92–94, 96–97.

⁵ Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. С. 37.

⁶ Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике // Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 181.

⁷ Ферри Э. Указ. соч. С. 569–570.

⁸ Здесь и далее использован Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в ред. от 24 июня 2023 г.). При этом все статьи, к которым даны отсылки, не менялись или не претерпели суще-

давая максимально абстрактное описание поведения, которое служит основанием для реакции (в частности, ч. 1 ст. 71, ст. 113, 134 УИК), или даже ограничиваясь указанием цели и общим определением моментов, которые должны быть учтены, без регламентации того, в чем именно должны состоять меры (ст. 109, ч. 3 ст. 137 УИК и др.).

Ни одна из моделей, конечно, не воплощается в чистом виде, как единственная основа, ни в УК, ни в УИК. Все российское право основано на разделяемой классической школой идее главенства закона и требовании правовой определенности (ч. 1 ст. 1, ст. 15 Конституции России). В связи с этим УИК также несет следы классической школы (само закрепление базовых положений в едином кодексе, четкое определение в отдельных случаях форм поведения, которые могут влечь конкретную реакцию, – ч. 3 ст. 117 УИК, например). Пределы возможного для УИК ограничиваются УК, принимающим в качестве системообразующей именно классическую школу, что не позволяет в полной мере реализовать позитивистскую модель в УИК (так, в отсутствие возможности вынесения неопределенных приговоров представители исправительных учреждений имеют меньшее влияние на продолжительность отбывания наказания).

В УК в свою очередь также существуют отдельные предписания, сформулированные в логике позитивизма (например, ст. 73 УК, предполагающая, что условное осуждение применяется, если судья сочтет возможным исправление осужденного без реального отбывания наказания, т. е. основанием для решения служит «экспертная оценка», а не четко определенный в законе набор признаков).

Однако положений в логике позитивизма в УК меньше, чем в УИК, и они сконцентрированы в Общей части кодекса. Особенная же выступает квинтэссенцией сочетания классической школы и модели возмездия. УК, написанный в логике сугубо позитивизма, не нуждался бы в Особенной части в том виде, в каком она существует сейчас.

В модели возмездия Особенная часть как описание множества отдельных деяний и следующих за ними последствий нужна постольку, поскольку эта модель ограничена в возможности обобщения. Реакция на каждое деяние основана на эмоциональном восприятии конкретной ситуации со всеми ее деталями.

В классической школе потребность в Особенной части обусловлена необходимостью обеспечить максимальную предсказуемость последствий совершения преступления для потенциального преступника и веру в неотвратимость их наступления. Для этого кодекс должен быть понятен при чтении простому гражданину, а также должен минимизировать усмотрение правоприменителя. Особенная часть как форма изложения материала соответствует этим требованиям¹. Чем конкретнее предписание, тем проще понять, соответствует ли ему деяние. Представьте кодекс, в котором границы преступного задаются только определением преступления (например, виновное, общественно опасное, противоправное деяние) и нет никакой Особенной части. Будет сложнее понять, должно ли конкретное деяние считаться преступлением, просчитать, какую позицию по этому вопросу займет суд, а соответственно, предсказать, привлекут ли тебя к ответственности.

С учетом этого обеим этим моделям соответствует существование Особенной части именно в том виде, в котором она на сегодня включена в УК, т. е. максимально четкое описание отдельных деяний и последствий, следующих за их совершение. Не просто указание на возможный набор наказаний, а конкретизация того, за какие преступления какие виды наказания и в каком размере могут быть назначены.

Если бы в основе УИК лежало сочетание модели возмездия и классической школы, то он должен был бы также содержать описание, например, конкретных нарушений режима со стороны осужденных с указанием для каждого нарушения тех последствий, которые оно может повлечь, по аналогии с тем, как сегодня написана Особенная часть УК.

Таким образом, специфика Особенной части УК объясняется разницей в выборе основных криминологических моделей. Ею же можно объяснить и разницу в частоте внесения изменений в кодексы, большую изменчивость Особенной части УК.

1 Не говоря о том, насколько удачно сформулированы отдельные статьи Особенной части УК, ведь эта характеристика может быть различна для любой из частей кодекса.

Принятие кодексом в качестве своей основы определенной криминологической теории, модели приводит к тому, что она воплощается не только в содержании норм, но и в том, как они меняются.

Модель, предложенная классической школой, рассчитана на стабильность регулирования, ведь только стабильное регулирование может быть предсказуемым. Вместе с тем, так как она требует детального описания форм преступного и следующей на них реакции, допуская применение только предусмотренных в законе мер и только за деяния, четко в нем описанные, возникает потребность в частом изменении закона при объективной изменчивости отношений; при частом возникновении желания скорректировать границы преступного, реакцию; а также при неспособности законодателя сформулировать четкое описание деяния, которое не потребует в последующем исправления.

Сочетание классической школы с моделью возмездия гарантирует необходимость частой правки даже при стабильности отношений. Модель возмездия предполагает ситуативность реакции на отдельные случаи с учетом всех их особенностей, без обобщения, что, в отсутствие возможности обеспечить это условие на стадии применения норм, приводит к частому возникновению потребности обособить специальный состав, криминализировать новое деяние без достаточного соотнесения его с уже имеющимися, ужесточить наказание для удовлетворения ситуативных потребностей, порожденных эмоциями от конкретного преступления. Также с моделью возмездия логично сочетается потребность принять норму здесь и сейчас без длительной ее проработки. Все это диктует необходимость частых правок, бессистемность которых предопределяет возникновение потребности в новых коррективах.

Для позитивной же теории не столь значимо само существование законов. Опираясь на экспертные оценки и нормы, которые лишь создают условия для работы экспертов без детализации описания преступного и мер реагирования, она не предполагает и необходимости частой корректировки норм, так как практика может при необходимости меняться независимо от содержания закона.

Дополнительно, позитивная школа, в отличие от классической, не предполагает необходимости объединения всех правил в одном законе, не приводя к сосредоточению почти всех усилий по корректировке практики на правке такого закона. В отличие от УК (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 УК), УИК не закрепляет за собой монополии в регламентации отношений¹, допуская регламентацию не только иными законами, но и подзаконными актами (ч. 1 ст. 2, ст. 4 УИК). Это позволяет заменять изменения УИК принятием и правкой подзаконных актов, что может в некоторой мере объяснять разрыв в частоте внесения изменений в УК и УИК. Однако диспропорцию в частоте внесения изменений в различные части УК это бы не объясняло.

Итоговый вывод. УИК действительно более стабилен, чем УК. Причина этого связана с выбором в качестве базовых моделей: для УК – классической школы и модели возмездия, а для УИК – позитивной школы. Разница в выборе приводит к разнице описания преступного и реакции на него и, как следствие, разнице в частоте внесения изменений в кодексы.

Список литературы

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2009. VI, 183 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

Кокотова Д. А. Часть 3 статьи 76.1 УК РФ – непоименованная амнистия // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2 (92). С. 65–67.

Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике // Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: ИНФРА-М, 2014. 320 с.

Родионова О. Н. Предмет криминологии // Российский юридический журнал. 2017. № 1 (112). С. 45–47.

Родионова О. Н. Религиозные и мифологические подходы к проблеме преступного как предмет криминологии // Морально-этические и религиозные основы уголовного права: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ко-

¹ Правда стоит отметить, что и для УК эта монополия фактически не является абсолютной (постановления Государственной Думы, оформляющие амнистию (ч. 1 ст. 84 УК), Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», сам УИК и т. п.).

валева (Екатеринбург, 21–22 февраля 2009 года) / под ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 56–59.

Родионова О. Н. УК РФ и теории преступности // Российский юридический журнал. 2002. № 2 (34). С. 8–11.

Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с.

References

Beccaria Ch. (2009). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, INFRA-M, VI, 183 p.

Durkheim E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The division of labour in society]. Moscow, Kanon, 432 p.

Ferri E. (2009). *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, Infra-M, 658 p.

Kokotova D. A. (2016). Chast' 3 stat'i 76.1 UK RF – nepoimenovannaya amnistiya [Part 3 of Article 76.1 of the Penal Code – unnamed amnesty] In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 2 (92), pp. 65–67.

Lombrozo Ch. (2014). Noveishie uspekhi nauki o prestupnike [The recent progress of a criminal anthropology]. In *Prestuplenie. Noveishie uspekhi nauki o prestupnike. Anarkhisty*. Moscow, INFRA-M, pp. 145–224.

Rodionova O. N. (2002). UK RF i teorii prestupnosti [Penal Code and criminological theories]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2 (34), pp. 8–11.

Rodionova O. N. (2011). Religioznye i mifologicheskie podkhody k probleme prestupnogo kak predmet kriminologii [Religious and mythological approaches to the problem of criminal as the subject of criminology]. In Kozachenko I. Ya. (Ed.) *Moral'no-eticheskie i religioznye osnovy ugolovnogo prava: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati M. I. Kovaleva (Ekaterinburg, 21–22 fevralya 2009 goda)*. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», pp. 56–59.

Rodionova O. N. (2017). Predmet kriminologii [The subject of criminology]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1 (112), pp. 45–47.